

У старосты Жун-бо было трое детей: двое сыновей и гэр. Старший сын, Е Цзюньвэнь, хозяйничал на земле вместе со своим мужем Ци Хэном; у них рос двухлетний сынишка Цинцин. Средний сын, шестнадцатилетний Е Цзюньу, работал управляющим в трактире в уезде и пока не был связан узами брака. Младший, десятилетний гэр по имени Е Юй, жил с родителями.

То, что во главе деревни стоял такой справедливый и строгий человек, было огромной удачей. Хороший лидер задавал тон всей общине, пресекая склоки и несправедливость. В такой деревне сиротам не грозила травля, а соседи всегда могли прийти на выручку.

Конечно, Е Цзюньшу не собирался жить на одни подачки. Как говорится, помогают тому, кто в беде, а не тому, кто ленив. Ему нужно было самому встать на ноги, чтобы его братья в будущем могли ходить по деревне с высоко поднятой головой.

Он пересчитал деньги, которые одолжил ему староста. Сумма небольшая — двести вэней, но для него это была манна небесная. Скорее всего, это были сбережения У-гэ за несколько месяцев, а не просто месячное жалованье.

Е Цзюньшу подумал о том, что хотя жизнь в древности была суровой и бедной, теплота человеческих отношений здесь была настоящей. Это не чета современному миру с его бетонными высотками, где соседи по лестничной клетке годами не знают имен друг друга. Он поймал себя на мысли, что начинает по-настоящему любить это время.

После ухода Жун-бо Е Цзюньшу не знал, как идут дела. Зато Мин-аму, узнав, что Цзычжоу-гэ будет учить и его Ачжи, пришел в полный восторг.

Он даже наказал: «Если этот паршивец будет отлынивать — бей его нещадно, не смотри на меня!»

На следующий день Мин-аму принес новости: староста объявил о школе всей деревне, но люди пока только совещаются. Цзюньшу старался казаться спокойным, но внутри всё сжималось от тревоги. Для него это был единственный надежный способ прокормить семью. Если затея провалится — будет худо.

Как раз к этому времени Лу-гэр допил последний настой. Е Цзюньшу попросил Мин-аму снова позвать лекаря Суна. Тот осмотрел мальчика и вынес вердикт: здоров! Больше никаких горьких лекарств. Какое счастье!

Погода стояла чудесная — солнце грело ласково, не обжигая. Самое время выйти в свет. Младшие братья не покидали дом уже месяца три-четыре, и такая затворническая жизнь явно не шла им на пользу. Пора было проветриться.

И вот они вышли: Е Цзюньшу с одним младенцем за спиной и вторым на руках; слева Сяо Шань, крепко держащийся за край его одежды и ведущий за руку Цинь-гэра; справа — Лу-гэр, тоже вцепившийся в рукав брата. Семья из шести человек гордо шествовала по деревенской улице.

Сейчас было время затишья между полевыми работами. Деревня дышала спокойствием: кто-то возился в огороде, кто-то чинил утварь. Прохожие вежливо здоровались издалека. Е Цзюньшу отвечал, а младшие хором повторяли за ним приветствия.

Жители, глядя на эту процессию из «мала мала меньше», невольно улыбались, но в глазах многих читалась грусть. Сироты... Тяжелая доля выпала детям.

Сначала люди не решались подойти близко, и Цзюньшу не навязывался. Но вскоре к ним подошел мужчина лет тридцати. Его лицо и шея были красно-черными от постоянного солнца, а на куртке красовалось не меньше десятка заплаток. Семья дяди Фана считалась одной из самых бедных в деревне: на его плечах была старая больная мать, жена и трое детей. Жили они впроголодь.

— Дядя Фан, — первым поздоровался Е Цзюньшу.

— Дядя Фан! — звонко отозвались братья.

— Ох, гуляете? — радушно отозвался тот.

— Да, погода хорошая, решил вывести братьев подышать. Засиделись они дома.

— Правильно, дело нужное...

Поговорив о том о сем, Е Цзюньшу заметил, что дядя Фан мнетя, явно желая о чем-то спросить.

— Дядя Фан, у вас ко мне какое-то дело?

Мужчина решил не ходить вокруг да около:

— Чжоу-цзы, тут староста говорил, что ты хочешь детей грамоте учить. Правда ли это?

Е Цзюньшу кивнул: — Правда. Только занятия будут у меня дома, сами понимаете, я сейчас не могу часто уходить.

— А... моим сорванцам к тебе можно? — Фан выглядел очень скованно.

Он понимал, что вряд ли сможет заплатить столько же, сколько другие, но упустить такой шанс для детей не мог. Вдруг его сыновья, выучившись, тоже смогут устроиться в город, как сын старосты?

Е Цзюньшу лучезарно улыбнулся:

— Конечно можно! Я буду учить всех, кто захочет прийти.

Пока они разговаривали, вокруг начала собираться толпа — деревенское «сарафанное радио» сработало мгновенно.

Раз уж один спросил, остальные тоже загалдели:

— Чжоу-цзы, ты и впрямь школу открываешь?

— Не то чтобы школу, — пояснил юноша. — Просто соберу ребят и научу их иероглифам, раз уж соседи доверяют. — Называть это «школой» официально он не решался — статуса не хватало.

— Да какая разница, как звать! — хлопнул себя по колену Е-седьмой. — Староста сказал, мы поначалу не поверили. Раз так, мой малец тоже придет!

— Наш Чжоу-цзы в десять лет экзамен сдал, такой головастый! Глядишь, и мой оболтус хоть чуток ума наберется, хе-хе!

— Тьфу на тебя! Где твой олух, а где Чжоу-цзы? Ты скорее на печи до титула долежишь, чем твой сын хоть одну букву запомнит!

— Эй, полегче! Мой пацан смысленный, если хоть капельку от Чжоу-цзы переймет — уже не пропадет!

— Ха... — Ну и ну...

— И то верно! Моим старшему и среднему как раз пора за грамоту браться. Чжоу-цзы, когда занятия-то начнутся? Мне же надо сорванцов своих подготовить! — прорезал общий гул звонкий голос. Это заговорил муж Ху-второго, жилистый мужчина с плутоватым лицом.

— Ой, ли! — тут же вставил свои пять копеек муж Е-третьего. — Твоему старшему, небось, уже семнадцать стукнуло? Собираешься обоих сразу отправить, а много ли Чжоу-цзы в благодарность отсыплешь?

Лицо мужа Ху-второго пошло пятнами, он взвизгнул:

— Мы же все односельчане, к чему эти мелочные счеты?

— Да нет, тут дело принципа! — не унимались соседи. — В настоящих школах каждый год платят «шусю» — плату учителю. И если Чжоу-цзы возьмет немного продуктами, так это по заслугам. Ему ведь вместо того, чтобы о хозяйстве думать, придется уйму времени на наших детей тратить.

— Вот-вот! Сходи-ка узнай, сколько в городе за учебу дерут. Есть лишние деньги — отправляй сына туда! Староста ясно сказал: каждый дает по силам. Не хочешь давать — не приходи!

— Опять же, Чжоу-цзы сколько лет в школе пропадавал, сколько денег его родители выложили, чтобы он эти знания получил? А теперь он их нашим детям передаст. Нам, родителям, не грех и отблагодарить. Моему второму десять, пусть хоть пару букв выучит. Мы хоть и бедные, а пару мешков зерна или муки наскребем.

Мужа Ху-второго так прижали со всех сторон, что он аж позеленел. Кое-как выдавив улыбку, он пробормотал:

— Да что вы такое говорите... разве я Чжоу-цзы обделю? Я же просто пошутил.

— Хе-хе...

Е Цзюньшу всё это время стоял с вежливой улыбкой и помалкивал. «Боевая мощь» этих деревенских мужиков была сокрушительной, так что он предпочел остаться сторонним наблюдателем. К тому же, пока за него вступались старшие из рода Е, в обиду его точно не дали бы.

Цинь-гэр, видимо, не привык к такому столпотворению. Когда тетушки и дяди обступили их, он испуганно спрятался за спину старшего брата, лишь изредка выглядывая оттуда любопытными круглыми глазками на шумных взрослых. Е Цзюньшу заметил это и лишь ласково улыбнулся, не мешая «птенцу» понемногу изучать этот большой мир.

Вскоре внимание толпы снова переключилось на него. Муж Е-третьего спросил:

— Так когда же открытие, Чжоу-цзы?

Находясь в центре внимания, Е Цзюньшу сохранял завидное спокойствие.

— Это должен решить дядя Жун. Нам еще нужно всё подготовить.

— А, это я знаю! Староста уже заказал плотнику Ду длинные столы и лавки.

— Значит, скоро?

— Должно быть... говорят, что... — деревенские принялись наперебой делиться слухами.

Е Цзюньшу получил всю нужную информацию и заметно расслабился. Слушать деревенские сплетни было даже забавно, но тут запротестовали близнецы: им надоело висеть неподвижно, они хотели, чтобы их качали!

— И-я!

— А-я!

Цзюньшу принялся их баюкать, а затем вежливо попрощался со старшими:

— Дяди, тети, я, пожалуй, пойду, отведу братьев домой.

— Ступай, ступай! — взрослые, увлеченные беседой, махнули рукой.

Е Цзюньшу повел свое маленькое войско назад. За то время, что он держал близнецов, руки у него затекли и онемели, а плечи ныли от тяжести.

«Определенно нужно заняться физкультурой, — подумал он. — Такое слабое тело никуда не годится».

Дома он высадил близнецов на разостланную во дворе циновку, и те принялись активно сучить ножками и ручками, осваивая пространство. Сам же он присел рядом и задумался о будущем.

Пока неясно, сколько придет детей и сколько принесут еды в качестве оплаты, деньги старосты он решил не трогать. Когда станет понятно, чего не хватает, он попросит Мин-аму помочь с покупками в уезде. Зимы здесь, по памяти, были лютые и долгие, холод стоял по несколько месяцев. Нужно подготовиться заранее, чтобы дети не мерзли и не голодали.

Времени еще достаточно, можно не спешить. Но в голове Е Цзюньшу зрела одна мысль: «Может, до начала занятий мне стоит еще разок сходить в горы?»

<http://bllate.org/book/15226/1343857>